

На правах рукописи

И.В. Аксенов.

АКСЕНОВ ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

**ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ПРОБЛЕМА
ФИЛОСОФСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

Специальность 09.00.13 –
философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург – 2016

Работа выполнена на кафедре Философии, искусств и гуманитарных наук Частного образовательного учреждения высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Богатырёв Дмитрий Кириллович.

Официальные оппоненты:

Катасонов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, Религиозная организация – учреждение профессионального религиозного образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия», заведующий кафедрой философии.

Степин Антон Владимирович, кандидат философских наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, старший преподаватель кафедры философии и общественных наук.

Ведущая организация: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Защита состоится 9 июня 2016 года в 15-30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.164.03 при Нижегородском государственном педагогическом университете им. Козьмы Минина по адресу: 603950, Нижегородская обл., Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, НГПУ, ауд. 107.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина и на сайте университета по адресу:

http://www.mininuniver.ru/mediafiles/u/files/Nauch_deyat/Avtoreferat/Aksenov_I.V._Transgumanizm_kak_problema_filosofskoj_i_religioznoj_antropologii_tekst_14_.pdf

Автореферат разослан 25 апреля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Сулима Игорь Иванович

Общая характеристика диссертации

Актуальность темы исследования. Последние достижения научно-технического прогресса, особенно в таких областях научного знания, как генная инженерия и информационные технологии, выдвигают на первый план проблему возможности использования этих достижений для улучшения биологических условий человеческого существования. О том, что такого рода возможности в настоящее время, как никогда, близки к реальности, свидетельствует тот факт, насколько живо обсуждаются последствия применения новых технологий к условиям человеческого существования. Косвенным образом на качество жизни человека и на будущее человеческого вида уже оказывают влияние некоторые биологические технологии, применяемые уже сегодня в сельском хозяйстве и в медицине. В то же самое время исследования в области нейропсихологии и эксперименты по созданию искусственного интеллекта открывают возможность прямого усиления многих ментальных способностей человека, и вопрос о том, как человек сможет распорядиться этими своими усиленными способностями, также волнует очень многих. Все эти проблемы заставляют по-новому взглянуть на соотношение биологического и социального в человеческой жизни, на границы наследственного и приобретенного в природе человека, и на новое содержание, которым на наших глазах наполняется само понятие «человеческого».

Все эти проблемы выходят за рамки компетенции естествознания и обретают явно выраженные нравственные, религиозные и философские аспекты. Наряду с возможностью и с областью границ той или иной технологии не менее остро встает и вопрос о ее допустимости или недопустимости с этической точки зрения. Вполне закономерными являются фундаментальные религиозные и философские разногласия относительно изменения человеческой природы в будущем обществе, относительно улучшения генотипа человеческих популяций и усиления когнитивных способностей индивида. Неслучайно эти вопросы выходят за рамки чисто академических дискуссий и находят закономерный отклик в общественных настроениях, оказывают влияние на процесс принятия решений в сфере политики и юриспруденции. Кроме того, нельзя забывать и о том, что проблема искусственного интеллекта является весьма актуальной и для сферы военных технологий, а, следовательно, не может не играть весьма важную роль в геополитических и военно-стратегических противостояниях и конфликтах нашего времени.

Если принять в расчет все эти обстоятельства, то не должен вызывать удивление тот факт, что во второй половине XX века сформировалось специфическое философское, мировоззренческое и даже в известной мере

религиозно-нравственное движение, в центре интересов которого оказалась возможность улучшения человеческой природы посредством новых технологий, включая и генную инженерию. Основоположники этого движения – Марвин Миски, Ганс Моравек, Реймонд Курцвейл, Ник Востром, Эсфендиари, Робберт Эттингер, Макс Мур и другие – используют для обозначения характерной для этого движения мировоззренческой картины термин «трансгуманизм». Таким образом, обязательными в этой мировоззренческой картине являются два принципа: во-первых, убеждение, что при помощи технологий возможно улучшение человеческого вида, а, во-вторых, это возможное улучшение является не только желательным, но и способно привести к решению многих острейших проблем, сопровождающих человечество с самых первых этапов его истории. Голод, болезни, бедность – все это и многое другое, благодаря применению новых технологий, навсегда останется в далеком прошлом. Сам человек в трансгуманистической перспективе преобразится настолько, что получит в свое распоряжение или реальное бессмертие, или, по меньшей мере, возможность радикального продления времени жизни. Трансгуманисты связывают свои представления о преобразенном человеке с конвергенцией технологий, в первую очередь, нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивистики. Для обозначения этой конвергенции используется специальная аббревиатура NBIC.

Нельзя не заметить, что трансгуманизм в настоящее время довольно активно о себе заявляет не только в области философии, но и как социальное движение, имеющее международный размах. В то же время за этим формальным организационным единством скрывается яркое многообразие концептуальных оснований и авторских версий трансгуманизма, различие в интерпретациях последних открытий в области генной инженерии и исследований искусственного интеллекта, острые столкновения в дискуссиях относительно осмысленности, допустимости и эффективности применения новых технологий для усовершенствования человеческой природы, а также относительно нравственных, религиозных и философских аспектов трансгуманизма как философского направления.

Проблемы трансгуманизма становятся еще более острыми и актуальными в силу того, что они возникают на фоне разворачивающегося антропологического кризиса. Начало XXI века характеризуется тем, что горизонты возможного воздействия человека на природу становятся все более и более необозримыми. В то же время, человечество все чаще осознает, что существуют границы такого воздействия, нарушений которых грозит человеку непредвиденными катастрофами. Природа все чаще оказывается не пассивным объектом приложения человеческих сил и способностей, но своеобразным «субъектом», способным ответить

непредсказуемыми вмешательствами в среду человеческого существования. Это обратное воздействие природы на человека может оказаться настолько значительным, что сама цивилизация окажется на грани гибели. Начиная со второй половины XX в. это обратное воздействие проявляет себя в разнообразных глобальных проблемах: в экологическом кризисе, в ухудшающейся демографической ситуации, в накоплении ядовитых химических и радиоактивных отходов, в новых болезнях и т.д. Сами биологические основания существования человека уже не представляются чем-то безусловным и само собой разумеющимся. Многие исследователи склоняются к тому, чтобы обозначать эту совокупность проблем как антропологический кризис.

Этот кризис имеет два различных, даже противоположных аспекта. Во-первых, нарушение экологического баланса между человеческим обществом и природой имеет равное негативное воздействие и на природную среду и на самого человека. Человеческий вид сформировался в природной среде, которая долгое время в истории человечества либо была неизменной, либо изменялась очень медленно. Антропогенное воздействие на природную среду приводит к радикальным изменениям последней, и человек оказывается не в том природном мире, по отношению к которому тысячелетиями осуществлялась его генетическая адаптация, а в новой искусственно преобразованной среде, которая воспринимается им как естественная и к которой теперь предстоит приспособляться вновь. Эффективная возможность такой адаптации зависит от скорости изменения этой среды, и если учитывать, что генетическая адаптация человеческого вида представляет собой процесс весьма медленный, то скорость изменений природной среды делает такой процесс адаптации практически невозможным. Поэтому антропогенное воздействие на природную среду неизбежно оборачивается разрушением генофонда как отдельных популяций, так и всего человечества, оборачивается генетическим вырождением человека как вида. Вопреки распространенной трактовке антропологического кризиса как, в первую очередь, духовной, мировоззренческой проблемы следует признать, что данный кризис характеризует, скорее, само природное и социальное бытие.

Второй аспект порожден не негативными последствиями научного и технологического развития, а, наоборот, тем, что чаще всего принимается за его самые наглядные достижения. Это успехи биологии, генетики, антропогенетики, генетической инженерии, которые открывают головокружительные возможности биологического манипулирования с бактериями, вирусами, растениями, животными и с человеком. В практической плоскости встает вопрос об искусственном воспроизведении жизни, в том числе и жизни человека, вопрос о клонировании. Все это радикальным образом изменяет изначальное отношение человека как к

своей собственной природе, так и к природе вообще. Современный человек оказался способным к активному преобразованию своей собственной телесной и ментальной природы. Молекулярная биология обретает все больше и больше возможностей регулировать жизненные процессы и управлять ими. Все это неизбежно влечет за собой кризис старых представлений человека о самом себе и формирование новых. Таким образом, сами новые возможности человека, возникшие в результате научно-технического прогресса, становятся источником антропологического кризиса. На почве этой кризисной ситуации и появляется движение трансгуманизма. Поэтому трансгуманистическая перспектива не является набором пустых фантазий, она имеет под собой реальные основания, и одна только отрицательная оценка нравственных, религиозных и философских аспектов трансгуманизма неизбежно была бы односторонней. Трансгуманизм ставит и пытается решить вполне реальные проблемы, философский аспект которых выражается в осознании новых типов отношений между субъектом и объектом, между человечеством и природой. Плодотворное осмысление этих отношений выступает методологическим и мировоззренческим основанием для постановки и решения целого комплекса социально-гуманитарных проблем, имеющих несомненную актуальность в ситуации описанного выше антропологического кризиса.

Степень разработанности проблемы. Вопросы, обсуждаемые в диссертационной работе, вызваны к жизни процессом развития современной молекулярной биологии и генетической инженерии, а также сопровождающими этот процесс мировоззренческими, философскими, религиозными и нравственными проблемами. Отечественным и зарубежным исследователям (как представителям гуманитарных наук, так и естествоиспытателям) принадлежит немалое число работ, которые могут быть использованы в качестве предпосылок осмысления философских и религиозных аспектов трансгуманизма. Эти работы можно условно разделить на несколько направлений.

Первое из них нацелено на анализ и философское осмысление смысла человеческого существования в перспективе развития цивилизации и научно-технического прогресса. Исследования в русле этого направления представлены работами Аджалова В., Балашова Л. Е., Зиновьева А. А., Катасонова В. Н., Панарина А. С., Шутова В. Н. и др. На фоне этих более глобальных исследований закономерно возникает такое более частное направление, как отечественная танатология (Демичев А., Рязанцев С.). Закономерно и обращение к более универсальным проблемам, имеющим ярко выраженный религиозно-философский характер, например, к проблеме бессмертия (Вишев И. В., Пугачев О. С, Трубников Н. Н., Фролов И. Т.). Затем проблему бессмертия отечественные исследователи начинают

рассматривать хотя и в рамках философских и мировоззренческих вопросов, но в то же время с точки зрения ее технического решения при помощи новейших достижений технического прогресса (Абрамян Е. А., Батин М. А., Прайд В., Чураков, В. С.). Более того, обращают на себя внимание попытки экстраполировать проблемы смысла жизни, смерти и бессмертия на область исследований искусственного интеллекта (Медведев Д. А., Пенроуз Р., Фукуяма Ф., Эттингер Р.)

Второе направление охватывает работы, авторы которых осмысливают и обсуждают нравственные и религиозно-философские аспекты трансгуманистической перспективы. Среди отечественных авторов – исследования Дубровского Д. И., Игнатъева В. Н., Кутырёва В. А., Маслова Р. В., Тищенко П. Д. Среди зарубежных авторов следует прежде всего упомянуть Барбура И., Докинза Р., Хабермаса Ю., Хантингтона С.

Третье направление ориентировано на философское осмысление проблем, закономерно возникающих в перспективе применения новых информационных и биологических технологий. Это исследования, нацеленные на создание специфического категориального аппарата, который позволил бы адекватно ставить и эффективно решать эти новые проблемы. Здесь может использоваться как опыт развития естествознания (работы Абдеева Р. Ф., Кравченко А. Я., Кульгина С. Е. и др.), так и религиозно-философский опыт (работы Ефремовой Е., Катасонова В. Н., Розина В. М., Сабирова В. Ш., Шапошникова Л. Е.). В рамках этого направления накоплен серьезный потенциал в осмыслении философских и этических проблем генетики и современных биотехнологий (Акифьев А. П., Алтухов Ю. П., Баев А. А., Беккер Г. К., Гончаров В. П., Егорова М. С., Зуб А. Т., Корочкин Л. И., Курило Л. Ф., Огурцов А. П., Тарантул В. З., Флоринский В. М., Хен Ю. В., Эфроимсон В. П., Юдин Б. Г.).

Наконец, поскольку трансгуманизм выступает разновидностью гуманизма, точнее – секулярного гуманизма, сформировавшегося в эпоху Просвещения, необходимо учитывать критический анализ гуманистического и секулярно-гуманистического мировоззрения как такового. В данном случае мы опираемся в первую очередь на классические работы русских философов: Бердяева Н. А., Булгакова С. Н., Вышеславцева Б. П., Франка С. Л., Соловьева В. С. Опорной для нашего исследования является культурологическая концепция Д. К. Богатырева, построенная на обобщении антропологических и культурфилософских идей русских религиозных философов.

Вместе с тем, степень разработанности историко-научных и философских проблем трансгуманистической перспективы развития человечества в отечественной литературе остается недостаточной. Так, в частности, недостаточно исследованы вопросы истории антропогенетики,

евгеники как исторически первой формы поиска практических приложений антропогенетики; отсутствуют исследования, в которых был бы осуществлен целостный философский анализ всего комплекса мировоззренческих, этических, религиозных проблем, порождаемых так называемой конвергенцией NBIC, конвергенцией нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивистики (не говоря уже о том, что последняя вообще мало освещена в отечественной литературе). Наконец, остаются не выявленными те религиозные и философские основания, которые должны быть положены в основу адекватной оценки трансгуманистической перспективы.

Объектом исследования является трансгуманизм как философско-антропологическое направление и как институализированное движение международного масштаба.

Предметом исследования являются религиозно-философские, этические и мировоззренческие основания трансгуманизма в контексте проблем, порождаемых на стадии конвергенции NBIC (нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивистики).

Цель исследования состоит в комплексной характеристике трансгуманизма на современной стадии его развития и его религиозно-философских аспектов.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

- анализ историко-культурного и естественнонаучного контекста возникновения и развития движения трансгуманизма;
- выявление нравственных и антропологических оснований трансгуманизма;
- рассмотрение современной стадии трансгуманизма в горизонте технологических и гуманитарных утопий XX столетия;
- характеристику экзистенциальных аспектов трансгуманистической перспективы;
- характеристику отношения к идеям трансгуманизма в монотеистических религиях;
- систематизацию религиозно-антропологических и философско-антропологических оснований критики трансгуманизма.

Научная новизна исследования состоит в комплексной характеристике религиозно-антропологических и философско-антропологических аспектов движения трансгуманизма, а также в формулировке ряда положительных аргументов в защиту трансгуманизма и отрицательных аргументов, имеющих критический характер и призванных установить определенные нравственные границы трансгуманистической перспективы. К научной новизне относятся следующие результаты:

1. Выявлен историко-культурный и естественнонаучный контекст, в условиях которого оказалось возможным сформулировать основные концептуальные положения трансгуманизма.

2. Установлено, что трансгуманизм как мировоззрение характеризуется, во-первых, убеждением в возможности творческого преобразования человеческой природы собственными силами самих людей, во-вторых, убеждением в возможности и допустимости применения технологий для совершенствования человеческой природы, а в-третьих, в убеждении в необходимости применения таких технологий с целью решения целого ряда социальных проблем (голода, болезней, бедности и т.д.).

3. Сделан вывод о том, что трансгуманизм представляет собой закономерное продолжение секулярного гуманизма Нового времени, в частности, технологических утопий XX столетия, в частности, кибернетических утопий, основанных на безграничной вере в возможности научно-технического прогресса.

4. Сформулирован ряд критических аргументов, касающихся экзистенциальных аспектов трансгуманистических идей. В частности, показано, что отношение к смерти является важнейшей экзистенциальной константой человеческого бытия, без которой сама жизнь человека будет лишена смысла.

5. Дана комплексная характеристика религиозно-философских аспектов трансгуманизма, и сделан вывод, что за традиционным религиозным неприятием трансгуманистической перспективы скрывается не банальный обскурантизм, а реалистичное стремление установить нравственные пределы применению новых технологий к человеку и к природе.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования выражается в научном и философском обосновании критической оценки феномена трансгуманизма, которая предполагает формулировку как положительных доводов в пользу трансгуманизма, так и отрицательных аргументов, нацеленных на то, чтобы установить нравственные границы трансгуманистического движения.

Практическая значимость исследования обуславливается тем, что полученные результаты исследования позволяют оценить роль трансгуманистической перспективы при принятии долгосрочных практических решений. Полученные в данном диссертационном исследовании выводы могут служить основанием для исследований в таких областях как этика, религиоведение, философская антропология, философия культуры, философия науки и в других областях философского знания. Материалы диссертационного исследования могут быть

использованы при составлении вузовских учебных и специальных курсов по философии сознания, трансгуманизму, биоэтике. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке практических рекомендаций при принятии решений, касающихся широкого применения биотехнологий.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методологическим базисом работы послужили важнейшие принципы, категории и положения современного религиоведения, философской антропологии и философии культуры. Теоретико-методологическим основанием критики трансгуманизма является концепция «метафизики культуры», имплицитно свойственная традиции русской религиозно-философской мысли и эксплицированная в работах Д. К. Богатырева (Бурлаки). В исследовании применяется историко-проблемный подход к анализу постановки и решения вопросов, связанных с феноменом трансгуманизма. Немаловажную роль играет и компаративистский метод, который позволяет осуществить сравнительно-исторический анализ отношений к феномену трансгуманизма в различных религиозных формах и концептуальных оснований этих отношений. Наконец, использовался интерпретативно-аналитический метод, который способствовал реконструкции смыслового содержания привлекаемых оригинальных и критических текстов по данной теме.

Кроме того, в диссертации широко использовался понятийный аппарат конкретных наук, как естественных, так и гуманитарных, в том числе биоэтики, биополитики, молекулярной биологии. Конкретно-научный материал почерпнут в многочисленных источниках (статьях, монографиях, результатах социологических исследований, публицистике) по истории биологических наук и биотехнологий, истории генетики; в литературе по проблемам геномной инженерии, медицинской генетике и др., а также в работах по исследованию глобальных проблем цивилизации, социологической, юридической, этической, политологической, теологической литературе; литературе по проблемам международных отношений и др. Широко использовались также классические философское и культурологические исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансгуманизм в своем развитии проходит несколько закономерных стадий и в своем современном состоянии представляет собой комплекс разнородных идей, главными из которых являются следующие: во-первых, представление об эволюционирующей человеческой природе и о том, что эта эволюция еще далека от завершения; во-вторых, идеи человеческого творчества, которое, будучи направленным на саму человеческую природу, становится новым мощным и позитивным фактором эволюции; в третьих – идеи биотехнологического совершенствования человеческого вида,

который в трансгуманистической перспективе обретает бессмертие и вечную счастливую жизнь; в четвертых, технологической утопией слияния человека и машины, что и обеспечит практическое бессмертие.

2. Современное естествознание предоставляет в распоряжение трансгуманизма значительный арсенал вспомогательных репродуктивных технологий, которые можно разбить на три группы: искусственное интракорпоральное оплодотворение, экстракорпоральное оплодотворение, клонирование. Сторонники трансгуманизма убеждены, что эти технологии весьма близко подошли к искусственному воспроизведению человеческой жизни и к практическому решению проблемы бессмертия.

3. Трансгуманистический проект является заблуждением в силу его механистического инженерного подхода к тому, что является человеческим. Трансгуманизм – утопическое видение, которое основано на ошибочном представлении, что идеал осуществим в настоящем. Вместо трансгуманистической одержимости идеей отсрочки смерти или ее преодолением человеку в большей степени подобало бы принять реальность смерти, как одной стороны самой ткани человеческой жизни и отдать должное тому, как мы живем, как мы стареем и как мы умираем.

4. Идеи трансгуманизма оборачиваются откровенной дегуманизацией жизни, глубинным мировоззренческим сдвигом, выражающимся в трансформации субстанциалистской парадигмы отношения к миру в функционалистскую парадигму, которая затем закономерно переходит в релятивистскую и конструктивистскую парадигму. Отказ от метафизики влечет за собой отказ от человека как субъекта и как сущего и порождает идею «смерти человека», провозглашенную постструктуралистами. Трансгуманизм представляет собой существенный компонент и закономерное следствие состояния постмодерна, характеризующего современность. В таком историко-культурном контексте позитивное значение приобретает позиция ортодоксального христианства, которое не отвергает научное знание вообще, но полагает абсолютизму эмпирической науки естественные нравственные пределы.

5. Лежащая в основе современного трансгуманизма идея конвергенции NBIC, – конвергенции нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивной науки, – должна рассматриваться в связи с нравственными предпосылками развития научного знания. В этом развитии обнаруживаются те же самые противоречия и парадоксы, что и ранее, но теперь, возможные следствия являются гораздо более серьезными, потому что перед нами целая программа воздействий на природу и на человечество. Когнитивной науке отводится статус метафизического обоснования конвергенции NBIC, и поэтому неудивительно, что противоречия, свойственные когнитивистике, должны быть обнаружены и в самой метафизике трансгуманизма.

6. Культурно-духовное и инстинктивно-витальное начало в человеке не только находится в неразрывном единстве, но и одинаково изначально. Таким образом, культурологические тенденции вместе с характерологическими тенденциями, наряду с базовыми физиологическими и психологическими потребностями, составляют обусловленный генотипом «универсальный природный каркас личности» любого человека. Человек является одновременно и субъектом и объектом – и личностью и природой. Личность есть свобода в человеке по отношению к своей природе.

7. Основания для пессимистичной оценки трансгуманистической перспективы обнаруживаются в том факте, что когда наша способность действовать в мире возрастает безгранично и мы сталкиваемся с новыми и непредвиденными формами ответственности, то нравственные ресурсы, имеющиеся в нашем распоряжении, уменьшаются в той же пропорции. Одни и те же технологические устремления, дающие человеку возможность воздействовать на мир, сводят человека до статуса объекта, который может быть спроектирован и сформирован по желанию; концепция разума как машины является той же самой концепцией, которая позволяет нам представлять в перспективе возможность переделать нас самих, и в то же время она препятствует тому, чтобы мы могли это осуществить. В том, что возмещает нам невиданную свободу, таится самая жестокая необходимость, снимающая с повестки дня вопрос о нравственной ответственности вообще.

Достоверность положений, выносимых на защиту, определяется широтой и репрезентативностью материала исследования, а также обоснованностью и эффективностью применяемых в исследовании методов.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования излагались в докладах на различных научных конференциях, таких как: 7 – 9 февраля 2010 г.: IV Международные Сретенские чтения в Хельсинки; 14 – 15 октября 2010 г.: конференция «Покровские встречи». Российский центр науки и культуры при Посольстве РФ в Финляндии; 20 – 22 февраля 2011 г.: V Международные Сретенские чтения в Хельсинки.; 2 – 3 марта 2011 г.: научная конференция Общецерковной аспирантуры и Докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; 23 марта 2011 г.: спецсеминар Общецерковной аспирантуры и Докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; 25 – 26 мая 2011 г.: международная научная конференция «Интеллектуальные и духовные традиции в общественной жизни России и Италии»; 14 – 16 октября 2011 г.: II Покровские международные образовательные встречи в Хельсинки; 18 – 21 февраля 2012 г.: VI Международные Сретенские чтения в Хельсинки; 3 апреля 2012 г.: Круглый стол по обсуждению «Проекта

концепции семейной политики Санкт-Петербурга на 2012 – 2022 гг.» Санкт-Петербургский Государственный Университет, Факультет социологии, НИИ комплексных социальных исследований; 17 – 18 мая 2012 г.: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма»; 14 – 15 октября 2012 г.: III Международные Покровские образовательные чтения в Хельсинки; 24 – 27 января 2013 г.: XXI международные Рождественские образовательные чтения, Москва, Кремль. Государственный Кремлёвский Дворец; 29 марта 2013 г.: Научно-методическая конференция «Формирование российской идентичности школьника: потенциал курса «Основы религиозных культур и светской этики»; 5 октября 2013 г.: Конференция в Ленинградском Областном Институте Развития Образования; 14 – 15 октября 2013 г.: IV Международные Покровские образовательные чтения в Хельсинки; 26 – 29 января 2014 г.: XXII международные Рождественские образовательные чтения, Кремль. Государственный Кремлёвский Дворец; 8 – 31 мая 2014 г.: XIV Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге; 14 – 15 октября 2014 г.: V Международные Покровские образовательные чтения в Хельсинки; 22 – 23 ноября 2014 г.: II Архангельские Епархиальные образовательные чтения; Всероссийская научно-практическая конференция «Педагогические традиции, цели обучения и воспитания в отечественном образовании: история и современность»; 21 – 23 января 2015 г.: XXIII международные Рождественские образовательные чтения, Москва, Кремль. Государственный Кремлёвский Дворец; 27 – 30 мая 2015 г.: XV Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге; 1 – 3 октября 2015 г.: V Всероссийский съезд православных врачей «Церковь и традиции русской медицины»; 14 – 15 октября 2015 г. VI Международные Покровские образовательные чтения в Хельсинки; 29 – 31 октября 2015 г.: XX Всероссийская ежегодная конференция кафедры философской антропологии «Философская антропология: проблемы и перспективы. Гуманитарное развитие и вызовы постгуманизма»; 20 – 21 ноября 2015 г.: III Архангело-Михайловские Епархиальные международные образовательные чтения «Традиция и современность: опыт прошлого и взгляд в будущее».

По теме диссертационного исследования было опубликовано 13 научных публикаций общим объёмом 11,65 печатных листа, в том числе 3 статьи объёмом 2,1 печатных листа в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, десяти параграфов, заключения и списка

использованной литературы. Общий объем исследования составляет 197 страниц. Список использованной литературы включает 244 наименования.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, проводится оценка степени ее разработанности в современной науке. Исходя из данного анализа, формулируются объект и предмет работы, определяются цели и задачи исследования, обозначаются методологические основы изучения данной проблематики, обосновывается научная новизна работы, выдвигаются основные положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость диссертации, характеризуется апробация результатов исследования и структура работы.

Первая глава «Формирование концепции трансгуманизма» посвящена решению таких задач исследования, как анализ историко-культурного и естественнонаучного контекста возникновения и развития движения трансгуманизма и выявление нравственных и антропологических оснований трансгуманизма.

В первом параграфе первой главы «Историко-культурный контекст движения трансгуманизма» раскрывается эволюция трансгуманизма как маргинального социокультурного движения, которое проходит в своем развитии ряд закономерных стадий. Автор исходит из представления, что в своем современном состоянии трансгуманизм представляет собой сложный и противоречивый комплекс разнородных идей. Выделены следующие важнейшие компоненты, обязательно присутствующие в этом комплексе в любом из вариантов трансгуманизма. Во-первых, в основе трансгуманистического движения лежит представление об эволюции, распространяющейся также и на человеческую природу. Человек, подверженный действию законов эволюции, находится на той стадии своего развития, которая еще весьма далека от завершения эволюционного процесса. Во-вторых, идеи человеческого творчества, которые, будучи направленным на саму человеческую природу, становятся новым мощным и позитивным фактором эволюции. В-третьих – трансгуманизм исходит из убеждения, что современные биотехнологии открывают возможность практически бесконечного совершенствования человеческого вида, вплоть до обретения реального бессмертия. В-четвертых, эволюция человеческого вида предполагает сочетание характеристик человека и машины, и именно такое сочетание, согласно трансгуманистическим концепциям, и обеспечивает достижение человеком бессмертия. Хотя в академических кругах все еще распространена оценка трансгуманизма как маргинального движения, нельзя

не признавать что сам трансгуманистический дискурс с достаточной степенью остроты ставит «вечные» мировоззренческие и метафизические вопросы и дает на них оригинальные и заслуживающие самого серьезного внимания ответы.

Во втором параграфе первой главы «Трансгуманизм и проблемы современного естествознания» показана связь движения трансгуманизма с последними научно-техническими достижениями. Наука наших дней предоставляет адептам трансгуманизма внушительный арсенал вспомогательных репродуктивных технологий, которые не только способны решать проблемы частного характера, но и служить почвой для глобальных теоретических спекуляций. Эти технологии можно условно разделить на три группы: во-первых, искусственное интракорпоральное оплодотворение, предполагающее искусственное введение мужского семени в детородные органы женщины с целью зачатия; во-вторых, экстракорпоральное оплодотворение, выражающееся в искусственном оплодотворении женской яйцеклетки мужским семенем в специально созданных условиях за пределами тела; в-третьих, клонирование, которое означает точное воспроизведение какого-либо объекта любое требуемое количество раз. Сторонники трансгуманизма убеждены, что хотя эти технологии еще не дают человечеству возможность искусственного создания человеческой жизни, но свидетельствуют, что наука и техника довольно близко подошла к такой возможности. Это означает, согласно убеждениям трансгуманистов, что практическое решение проблемы бессмертия перестает быть нереализуемой мечтой, и человечество должно быть морально готово к обретению бессмертия в самое ближайшее время.

В третьем параграфе первой главы «Трансгуманизм и проблемы этики» новые возможности, предоставляемые наукой и современными технологиями, рассматриваются с нравственно-философской точки зрения. Сам трансгуманистический проект следует оценивать как заблуждение, именно потому, что сущность человека, природа человеческого рассматривается адептами трансгуманизма в рамках механицизма, как проблема инженерии. Сама идея человеческого совершенства в трансгуманистической перспективе оказывается чисто технической проблемой, решаемой в процессе рациональной организованной деятельности, а представление о совершенстве как о нравственной категории отодвигается на второй план. В конечном счете трансгуманизм представляет собой утопию, в основе которой лежит искаженное видение реальности. Идеал рассматривается адептами трансгуманизма не в его регулятивном аспекте, а как достижимое в любой момент техническое совершенство организации той или иной системы, механической, органической или социальной. Стремление отсрочить смерть или преодолеть ее может скрывать за собой недостаток элементарного человеческого мужества,

основанного на том, что реальность смерти принимается в качестве одной из сторон человеческой жизни.

В четвертом параграфе первой главы «Трансгуманизм как антропологическая проблема» делается вывод, что идеи трансгуманизма в конечном счете ведут к дегуманизации человеческой жизни. Показано, что у истоков трансгуманистического движения лежит глубинный мировоззренческий сдвиг, который предполагает, что на смену традиционной субстанциалистской парадигме отношения человека к миру приходит функционалистская парадигма. В западноевропейской культуре Нового времени эта новая функционалистская парадигма порождает такие черты мировоззрения европейца как релятивизм и конструктивизм. В истории философии эта смена мировоззренческих парадигм влечет за собой фундаментальный отказ от метафизики, за которым, в свою очередь, следует отказ от человека как субъекта, завершающийся провозглашаемым постструктуралистами лозунгом «смерти человека», являющимся закономерным итогом известного тезиса Ф. Ницше о «смерти Бога». Трансгуманизм правомерно рассматривать как закономерное следствие эпохи постмодерна. В условиях этой эпохи особое значение приобретает позиция ортодоксального христианства, где абсолютизм и сциентизм эмпирической науки ограничивается нравственными принципами, выводимыми не из внешнего физического и социального мира, но из высшего мира Божественной реальности.

Во второй главе «Религиозно-философские проблемы трансгуманизма» решаются такие задачи исследования, как, во-первых, рассмотрение современной стадии трансгуманизма в горизонте развития новоевропейского гуманизма, технологических и гуманитарных утопий XX столетия, во-вторых, характеристика экзистенциальных аспектов трансгуманистической перспективы, в-третьих, характеристика отношения к идеям трансгуманизма в монотеистических религиях (иудаизме, христианстве и исламе).

В первом параграфе второй главы «Трансгуманизм и гуманизм» проводится сопоставление важнейших мировоззренческих характеристик трансгуманизма и фундаментальных принципов новоевропейского гуманизма. Гуманизм обычно сводят к некоторой социальной идеологии, поставляющей в центр сущего земного человека с его земными интересами и устремлениями. Антропоцентричная цивилизация, участниками которой мы пока еще являемся, представляет собой закономерный этап развития христианского средневековья (главным образом западного, но не без восточного влияния). В своих глубинных архетипических истоках гуманизм в самой значительной степени формировался как реакция на мифологию бессмертия, созданную христианским средневековьем. В своем решении этой проблемы гуманизм неоднороден. В нем есть языческая

сторона, связанная с усталостью от аскезы, отказом от трудового стяжания Царства Божия, откат к дохристианскому смирению перед неизбежностью смерти. Новоевропейский материализм выражает это настроение с наибольшей полнотой. Есть в гуманизме и интеллектуально-агностический аспект, вырастающий из нового прочтения античной мифологии и философии, в результате которого в представлениях, казавшихся сугубо христианскими, были открыты языческие прообразы. Но, в гуманизме есть и евангельский прорыв за пределы средневековой мифологии вечного ада. Христианский гуманизм вырастает из нового религиозного опыта, из понимания изначально сотворческого призвания человека, которое не было реализовано по причине грехопадения. Смысловое ядро новоевропейского гуманизма – новая мифология творчества. У первых христианских гуманистов (Пико, Фичино) человеческое творчество понимается онтологически (как преобразование собственной природы), но в синергии с Богом. Секулярный гуманизм, атрибутирует человеку креативность как нечто естественное, сначала минимализирует божественное участие (деизм), а затем в лице Ницше и вовсе провозглашает «смерть Бога», на место которого и должен заступить человек, преобразовав самого себя до уровня сверхчеловека. Трансгуманизм, с характерной для него онтологией бессмертия, является одним из наиболее характерных продуктов секулярного гуманизма и Просвещения. Современный трансгуманизм представляет собой прагматический и технократический вариант мифа о «сверхчеловеке». Трансгуманисты утверждают, что природа человека наших дней улучшается с помощью прикладной науки и других рациональных методов, которые могут позволить увеличить продолжительность здоровой жизни человека, расширить наши интеллектуальные и физические способности, и предоставить нам возрастающий контроль над нашими собственными психическими состояниями и настроениями. Под достижениями в прикладных науках обычно имеют в виду открытия в нейрофизиологии, генетике, робототехнике, нанотехнологиях, а также в исследованиях искусственного интеллекта. В определенной комбинации вышеупомянутой биоинженерии трансгуманистам видится возможность в ближайшем будущем резко расширить ментальные и физические способности человека, замедлить и приостановить процесс старения, и добиться контроля над нашими эмоциональными и психическими состояниями. Предполагаемое будущее – новый век, в котором люди будут освобождены от психических заболеваний и физической дряхлости, будут в состоянии сознательно выбирать свою «природу» и природу своих детей. Религиозно-философский подход к феномену трансгуманизма не оставляет сомнений, что в основе этого феномена лежит магическая воля к бессмертию.

Во втором параграфе второй главы «Экзистенциальные аспекты трансгуманизма» трансгуманизм рассматривается как экзистенциальная проблема. Такой подход вполне правомерен, так как трансгуманизм с самого начала претендует на изменение «удела человеческого», то есть, тех условий человеческого существования, которые можно рассматривать в качестве его констант. При таком подходе особое значение приобретает то обстоятельство, что в том случае, если наша способность преобразовывать мир и свою собственную природу безгранично возрастает, то в равной мере должна возрасти и наша ответственность за данные преобразования. Трансгуманизм раскрывает совершенно иную перспективу – по мере возрастания наших технических возможностей, мера нашей ответственности, наоборот, уменьшается. Технологии, имеющие целью преобразовать человеческую природу, одновременно и усиливают наши субъективные потенции и сводят эту же самую субъективность до уровня объекта, который может быть спроектирован и сформирован по нашему желанию. Если человеческий разум оказывается машиной (что, собственно говоря, и позволяет создавать искусственную разумную жизнь), то вопрос об ответственности машины исчезает сам собой. Поэтому, именно там, где нам обещают невиданную свободу, таится самая жестокая необходимость, превращающая свободное человеческое существо в отлажено функционирующий механизм.

В третьем параграфе второй главы «Отношение к трансгуманизму в христианстве» делается вывод, что христианское отношение к трансгуманизму (мы имеем в виду в первую очередь традиционные конфессии, в первую очередь, православие и католичество) и к возможности искусственного создания жизни резюмируется в убеждении, что любые такие технологии на самом деле подменяют диалогическую форму межличностного общения двух человеческих ипостасей различными техническими средствами. Трансгуманистическая перспектива не только искажает образ Божий в человеке, вследствие изменения его личностной ориентации по отношению к своему Творцу, но и, некоторым образом, затрагивает саму онтологическую основу существования личности, которая начинает пребывать вне личностных отношений любви по образу Творца.

В четвертом параграфе второй главы «Отношение к трансгуманизму в иудаизме» исходным пунктом является представление, что момент оплодотворения яйцеклетки не приравнивается к началу жизни человека. Эмбрион приобретает человеческий статус на более поздней стадии своего развития. Более того, статус плода до 40 дней с момента зачатия далек от статуса живого человека. Обращение к суррогатному материнству допустимо только в ситуации крайней необходимости (в иудаизме их называют she'at hadechak), когда испробованы все

медицинские средства родить ребенка естественным путем – или когда такие роды несут угрозу жизни младенца или матери. Обращаться же здоровой женщине к суррогатной матери только для того, чтобы уклониться от трудностей и рисков беременности и родов, «сохранить фигуру» или свободное время, как раз является серьезным нравственным проступком, который нельзя рассматривать как попытку создать здоровую, полноценную семью. Для традиционного иудаизма вывод очевиден: семейная пара, не имеющая возможности произвести ребенка обычным путем, имеет право, в полном соответствии с заповедями Торы и текстами Талмуда, стремиться использовать все современные репродуктивные технологии, чтобы дать миру еще одну жизнь – в том числе и попросить помощи у суррогатной матери.

В пятом параграфе второй главы «Отношение к трансгуманизму в исламе» показано, что вера в абсолютную предопределенность всего происходящего порождает в исламе положительное или нейтральное отношение к клонированию растений и животных, и резко негативное отношение к репродуктивному клонированию человека. В теологических учениях ислама подобного рода репродуктивные технологии рассматриваются как не соответствующие тому естественному способу репродукции, который Бог предопределил для человека, т.е. как, в конечном счете, противоречащие вере в предопределение.

В шестом параграфе второй главы «Религиозно-философские основания критики трансгуманизма» исходным пунктом является вывод, что если трансгуманизм представляет собой возвращение, на новом витке научно-технического прогресса, к нереализованным потенциалам секулярного гуманизма, то и наиболее эффективная и глубокая критика трансгуманизма будет с необходимостью критикой секулярного гуманизма как такового. Двойственность светского гуманизма заключается в том, что он возникает как новый для своего времени опыт осмысления принципа творчества, который принесло с собой в мир христианство. Христианство дает нам образ восстановления связи человека с Богом, восстановления, которое не следует понимать как простое возвращение в Эдем. Воскресение следует понимать как созидание нового духа и новой плоти. Воскресение предполагает веру в то, что уже начат и продолжается процесс созидания качественно новых отношений Бога и человека, и эти качественно новые отношения, помимо прочего, выражаются в представлении об обожении человека. Сразу же заметим, что самые фантастические проекты трансгуманизма имеют в своей основе смутное ощущение тех перспектив, которые раскрывает идея обожения. В этой перспективе личное начало в человеке предстает как нечто заданное, как задание творческого преобразования человеческой природы. Но именно эта заданность и ускользает из поля зрения в секулярном гуманизме, где

личное начало выступает как нечто данное, как естественная характеристика человека, присущая ему наряду с телесными свойствами. Трансгуманизм вполне допустимо с религиозно-философской точки зрения рассматривать как пародию обожения. Но принципиальное значение имеет то обстоятельство, что идея радикального преображения человеческого духа и плоти, искаженная трансгуманизмом, утрачивает характер постепенного духовного восхождения и обретает некую «дурную» непосредственность. Действительно, в трансгуманистической оптике нет никаких препятствий, чтобы человек стал «богом», достаточно лишь того, чтобы были предоставлены соответствующие научно-технические средства, и в общих чертах движение трансгуманизма сходится на том, что такие средства уже наукой созданы. Идея обожения человека никогда не артикулируется в том, что касается средств ее осуществления. Но, несложно заметить, что религиозно-философское осмысление этой идеи обязательно предполагает ряд ступеней, умозрительных инстанций, выступающих в качестве лишь первых вех начавшегося и продолжающегося процесса обожения. Важная роль здесь отводится учению о Богочеловечестве и представлениям о теургическом синтезе. Это, как бы первые, уже проявленные ориентиры обожения, за которыми неизбежно откроются и иные, пока еще недоступные человеческому взору. Непонимание необходимости духовного совершенствования и культурного творчества является «ахиллесовой пятой» мировоззрения трансгуманизма. В данном отношении к этому мировоззрению в определенной мере применима та характеристика, какой Н. А. Бердяев наделил Н. Ф. Федорова, философа, совершенно неслучайно пользующегося немалой популярностью у адептов трансгуманизма. В русской религиозной философии можно обнаружить основания критики трансгуманизма. В его фундаменте лежит неразрешимое противоречие, заключающееся в противоестественном соединении материализма и сциентизма, построенных на убеждении в фундаментальной детерминированности мира и человека в нем, и христианской по сути вере в способность человека к творческому преображению.

В Заключение диссертации подводятся итоги проведённого научного исследования, формулируются выводы и намечаются ориентиры для дальнейшей детальной разработки проблемы. Даны рекомендации относительно общего направления дальнейшего критического анализа феномена трансгуманизма. Перспективы дальнейшей разработки темы должны основываться на представлении, что сам трансгуманизм представляет собой сложное, внутренне противоречивое единство, что делает в равной мере неприемлемым для строгого объективного анализа как и его апологетику, так и его тотальное отрицание. Критический анализ феномена трансгуманизма следует связывать с пониманием природы

культурного творчества и с выявлением нравственных (в том числе и религиозных) оснований мировоззрения человека наших дней.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

В ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований:

1. Аксёнов, И. В. (протоиерей). Исламский взгляд на современные вспомогательные репродуктивные технологии [Текст] / Протоиерей Игорь Викторович Аксёнов // Биоэтика : федеральный научно-практический журнал / учредитель : Волгоградский научный центр РАМН. – 2013. – №1 (11). – С. 8-13 (0,7 п. л.). – ISSN 2070-1586.

2. Аксенов, И. В. Экзистенциальные аспекты трансгуманизма [Текст] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Том 17, выпуск 1. – С. 165-175 (0,7 п. л.). – ISSN 1819-2777.

3. Aksenov, I. (archpriest). Trans-humanism as an anthropological problem [Electronic resource] / Igor Aksenov, archpriest // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки» = Journal of Siberian Federal University. Series «Humanities and Social Sciences». – 2016. – Том 9, № 3 (Март). – С. 678-686 (0,7 п. л.). – ISSN 2313-6014. – URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/2311/20160/1/19_Aksenov.pdf (accessed: 30.03.2016).

Иные публикации:

4. Малая церковь в парадигме отношений Христа и Церкви [Текст] / Протоиерей Игорь Аксёнов // Северный благовест : журнал. – 2011. – № 23. – С. 9-13 (0,6 п. л.). – ISSN 2221-8181.

5. Аксёнов, И. (прот.). Этические вопросы современных вспомогательных репродуктивных технологий [Текст] / Протоиерей Игорь Аксёнов // Практики государства и церкви по оказанию социальной помощи семье и детям в современной России (на материалах Санкт-Петербурга) : коллективная монография / под общ. ред. А. Н. Воронова, Е. А. Вороновой. – СПб. : Скифия-принт, 2013. – С. 208-213 (0,3 п. л.). – ISBN 978-5-98620-090-3.

6. Аксёнов, И. (протоиерей). Отношение к современным вспомогательным репродуктивным технологиям в исламе [Текст] / Протоиерей Игорь Аксёнов // Церковь и время : научно-богословский и

церковно-общественный журнал. – 2013. – Том LXIII, № 2 (Апрель-Июнь). – С. 203-234 (1,45 п. л.). – ISSN 2221-8246.

7. Аксёнов, И. (протоиерей). Человек сотворённый и биомедицинские репродуктивные технологии [Текст] : Сборник статей / Протоиерей Игорь Аксёнов. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 84 с. – ISBN 978-3-659-48539-8 (4,5 п. л.).

8. Аксёнов, И. (прот.). Духовно-нравственное воспитание и психогенетические факторы [Текст] / Прот. И. Аксёнов // Истина и диалог : Сборник материалов XIV Свято-Троицких ежегодных Международных академических чтений в Санкт-Петербурге, 28 – 31 мая 2014 г. – СПб. : РХГА, 2014. – С. 192-193 (0,05 п. л.). – ISBN 978-5-88812-634-9.

9. Аксёнов, И. В. Репродуктивная свобода человека и Божественный Промысл [Текст] / И. В. Аксёнов // ACTA ERUDITORUM : журнал. – СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2014. – Вып. 17. – С. 69-72 (0,45 п. л.). – ISSN 2307-6437.

10. Аксёнов, И. (протоиерей). Трансгуманизм и вспомогательные репродуктивные технологии [Текст] / Протоиерей Игорь Аксёнов // Сборник материалов XV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге, 27 – 30 мая 2015 г. – СПб. : РХГА, 2015. – С. 93-94 (0,05 п. л.). – ISBN 978-5-88812-711-7.

11. Аксёнов, И. (протоиерей). Репродуктивная свобода человека и Божественный Промысл [Текст] / Протоиерей Игорь Аксёнов // Церковь и медицина : церковно-медицинский журнал. – 2015. – № 2 (14). – С. 113-118 (0,45 п. л.). – ISSN 2225-9546.

12. Аксёнов, И. (протоиерей). Духовно-нравственное воспитание и психогенетические факторы [Текст] / Протоиерей Игорь Аксёнов // Педагогические традиции, цели обучения и воспитания в отечественном образовании: история и современность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 27 ноября 2014 г. – СПб. : Гамма, 2015. – С. 15-19 (0,7 п. л.). – ISBN 978-5-4334-0204-1.

13. Аксёнов, И. (протоиерей). Религиозно-философские аспекты трансгуманизма [Текст] / Протоиерей Игорь Аксёнов // III Архангело-Михайловские епархиальные международные образовательные чтения в Выборге : Сборник докладов 2015 г. – СПб. : Издательство РХГА, 2016. – С. 29-49 (1 п. л.). – ISBN 978-5-88812-783-4.

Подписано в печать 31.03.2016 г.
Формат А5, цифровая печать
Усл. печ. л. 1,3.
Тираж 150 экз.

Отпечатано в ЦОП «Невский»
Россия, г. Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова
тел./факс: 438-38-05
e-mail: nev@copy.spb.ru

